

УДК 82-34

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-2-12-22

ЯЗЫКОВАЯ И РЕЧЕВАЯ ОППОЗИТИВНОСТЬ В ТЕКСТЕ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

Соловьева Н.В.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются проявления категории оппозитивности на разных уровнях языка и на уровне текста. На морфологическом уровне описываются противопоставленные словообразовательные морфемы и служебные слова. На лексическом уровне выявляются оппозиции, представленные качественными, комплементарными, векторными и конверсивными антонимами. На уровне текста анализируются текстовые оппозиции, реализуемые в противопоставлении открытых и закрытых пространственных образов, персонажей сказки друг другу, зачина и концовки сказочного текста.

Ключевые слова: оппозитивность, грамматические оппозиции, антонимы, текстовые оппозиции, контраст.

LANGUAGE AND SPEECH OPPOSITENESS IN FOLK TALES

N. Solovyeva*Moscow Region State University
105005, Moscow, Radio st., 10A, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the manifestations of the category of oppositeness at different language levels and at the level of the text. Oppositions of derivational morphemes and functional words are regarded as grammatical ones. Contrary qualitative, complementary, directional and converse oppositions are described at the lexical level. The classification of textual oppositions is based on semantic and grammatical oppositions and represent the opposed spatial images, the opposed characters and the opposed beginning and ending of a folktale.

Key words: oppositeness, grammatical oppositions, antonyms, textual oppositions, contrast.

В процессе познавательной и оценочной деятельности человек структурирует окружающий мир, выделяя в нём дискретные сущности и обнаруживая их противоположные стороны. При этом «существование противоположных сторон в явлениях окружающей действительности и познание их человеком находит своё отражение в бинарных оппозициях, являющихся определяющими категориями человеческого сознания» [8, с. 4].

Средства языка фиксируют противоположные стороны предметов и явлений на различных уровнях языка и на уровне текста. Объектом настоящего исследования выступают языковые и речевые оппозиции в текстах английских на-

родных сказок. Наша цель – доказать, что лингвистическая категория оппозитивности пронизывает языковое и художественное пространство и находит выражение в организации противопоставленных языковых единиц и композиционно-речевых форм.

В настоящее время инвентарь языковых единиц, служащих для реализации категории оппозитивности, выявлен достаточно полно. Так, к морфологическим грамматическим оппозициям можно отнести противопоставленные словообразовательные морфемы и служебные слова. При этом выделяют оппозиции-контраритивы [1, с. 12], один из членов которых имеет отрицательный аффикс, а второй – коррелирующий с ним нулевой. В зависимости от оттенков значения отрицательных аффиксов мы выделяем:

1) оппозиции контраэссентивов, в которых приставка *un-* экспонирует семы исключения того, что обозначается основой, из класса предметов, свойств или действий (“*He <...> knew the fatal result of his thoughtless wish, and of the bad luck which happened to several others with **selfish** desires <...> The mermaid promised that he and his family should ever possess these gifts, and that, for the sake of his **unselfish** desires, none of his family should ever come to want*” [12, с. 41]);

2) оппозиции контрадириктивов, представленные парой антонимов, один из которых содержит отрицательный префикс *dis-*, экспонирующий сему антинаправленности, а второй, соответственно, экспонирует сему направленности (“*So he **dismounted** <...> and he went in and brought out the lass and gave her to the Baron, who **mounted** his horse and rode away with her*” [11, с. 190–191]).

Оппозиции контрадириктивов могут быть представлены парой антонимов, содержащих семы отрицательной и положительной / нейтральной оценочности (“*At last her **ill-usage** of him was told to Alice <...> poor Dick could not bear this **usage** any longer...*” [11, с. 171–172]). По структурному составу производное слово *usage* противопоставляется сложнопроизводному слову *ill-usage*. Здесь, на наш взгляд, можно провести аналогию между приведенной оппозицией и однокорневыми оппозициями, т. к. антонимичность передается путём прибавления корня, придающего исходной основе противоположный смысл.

Система оппозиций антонимичных предлогов не может рассматриваться отдельно от противопоставленных однозначных слов, так как только в рамках словосочетания они указывают на определённые отношения между объектами окружающей действительности, таким образом реализуя свою семантическую функцию. В текстах сказок мы выявили:

1) пространственные оппозиции, передающие разнонаправленность действий относительно ориентира: “... **off** falls her own pretty head, and **on** jumps a sheep’s head” [11, с. 199];

2) временные оппозиции, передающие противоположность временной локализации действий и состояний относительно определённой точки отсчёта: “**After** this he found himself as badly off as **before**...” [11, с. 169].

Выделение союзов в оппозиции осложнено редкой совместной встречаемостью в тексте. Проведённое исследование позволило нам выделить:

1) оппозиции включения / исключения (“*Next morning the street was full*

of girls with aprons held out, **both gold and silver** in them; but Jack's own sweetheart was among them, and she had **neither gold nor silver, nought** but two copper pennies, that was **all she had**" [11, с. 210]). В приведённом примере грамматическая союзная оппозиция *both* <...> *and* – *neither* <...> *nor* сочетается с лексической оппозицией *nought* – *all*, которую мы относим к антонимическим триплетам. В работе Д.А. Круз под антонимическим триплетом [10, р. 201] подразумевается оппозиция глаголов с противопоставленными значениями в сочетании с промежуточным звеном – нейтрализующим членом оппозиции, обеспечивающим условие для вступления в отношения противопоставления. Мы полагаем, что оппозиция *nought* – *all* не относится к комплементарным, дополняющим друг друга до целого, т. к. легко выделяется промежуточное звено *something*. На наш взгляд, понятие «антонимический триплет» может быть распространено и на другие части речи;

2) позитивно обусловленные / негативно обусловленные оппозиции, возникающие за счёт союзов *if* «если» – *unless* «если не»: “**Unless** you love me, I shall never be happy more.” – “**But if** I love you”, says she, “will you not fly away and leave me one of these fine days?” [11, с. 160];

3) оппозиции, выражающие логическое противоречие за счёт союзов *and* «и» – *but* «но»: “It is not so, nor it was not so. **And** God forbid it should be so,” said Mr. Fox <...> “**But** it is so, and it was so. Here's hand and ring I have to show...” [11, с. 151].

Изученный материал позволяет представить классификацию лексических антонимов, значимых для обеспечения коммуникативно-прагмати-

ческого потенциала оппозитивности в тексте. В зависимости от характера обозначаемой противоположности выделяются: градуальные (ступенчатые) антонимы, выражающие противоположность качеств и признаков; комплементарные антонимы, выражающие дополнительность; векторные антонимы, выражающие противоположную направленность действий, свойств и признаков; конверсивные антонимы, обозначающие действия и отношения как обратные.

Антонимы, выражающие качественную противоположность, реализуют оппозиции, в которых качество меняется постепенно [7, с. 25]: “*Tommy Grimes was sometimes a **good** boy, and sometimes a **bad** boy; and when he was a bad boy, he was a very bad boy*” [11, с. 164].

Градуальные оппозиции могут быть симметричными, т. е. противопоставленными по одним и тем же составляющим лексического значения (“...*on the opposite side of the fire to the settle, sits the white-haired **old** grandfather* <...> *A footstep is heard without, causing the little company to look towards the door, which opens and admits a **young** lad, all excited*” [12, с. 47]) и несимметричными, т. е. представленными семантически или стилистически неоднородными единицами (“...*when she looked on him, her eyes shone like the **brightest** of stars on a **gloomy** night*” [12, с. 38]).

Отметим, что в изученном материале нередко встречаются удвоение и утроение противопоставленных членов оппозиции, что мы считаем характерной чертой фольклорных текстов, изобилующих тавтологическими повторами и параллельными конструкциями:

“How did you get such **thick thick** knees?”;

“Much praying, much praying” (*piously*);

“How did you get such **thin thin** thighs?”;

“Aih-h-h! – late – and wee-e-e – moul” (*whiningly*) [11, с. 181].

В качестве критерия антонимичности как особой дополнительной характеристики языковой единицы выделяются не только противопоставленность значений, но и их семантическое единство, обеспечивающее основание для сравнения. Таким образом, единицы *rich* и *poor* не могут считаться антонимами в следующем примере, поскольку *rich* используется в значении «ценный, щедрый» применительно к подарку, а *poor* описывает материальное состояние героя: “They then told the story of the cat, and showed the **rich** present that the king and queen had sent for her to **poor** Dick” [11, с. 175].

Антонимы могут быть классифицированы в зависимости от степени антонимичности, т. е. степени противопоставленности их значений. Как уже говорилось выше, выделяются симметричные антонимы, противопоставленные по одним и тем же составляющим лексического значения, и несимметричные антонимы, представленные семантически или стилистически неоднородными единицами. В качестве примера приведём антонимы *badly-off* – «нуждающийся, оказавшийся в трудном материальном положении» и *rich* – «богатый»: “After this he found himself as **badly-off** as before; and being almost starved again, he laid himself down at the door of Mr. Fitzwarren, a **rich** merchant” [11, с. 169]. Анализируемые члены оппозиции несимметричны вследствие семантической неоднородности (*badly-off* подразумевает временный характер

признака; *rich* не содержит временных ограничений) и стилистической неоднородности (*badly-off* образован по конверсии от фразеологизма *to be badly off* и принадлежит к разговорной лексике; *rich* представляет собой стилистически нейтральную единицу).

Класс комплементарных антонимов, выражающих дополнительную, представлен меньшим количеством оппозиций. Шкала противопоставлений реализуется двумя противоположными членами, дополняющими друг друга до целого. В нашем исследовании отмечаются комплементарно противопоставленные слова категории состояния (“So the **sick** son married the **well** sister; and the **well** son married the **sick** sister...” [11, с. 202]), имена существительные (“The **day** was done and the **night** came on and Earl Mar’s daughter was thinking of going to sleep...” [11, с. 160]), субстантивированные прилагательные (“And then the third head asked: “The **dead** carrying the **living**; riddle me that?” [11, с. 134]).

Типичной чертой фольклорных текстов следует признать одновременное использование нескольких пар оппозиций: сочетание в одном контексте ряда качественных оппозиций (*He saw young and old, rich and poor, pretty and plain, and could not meet with one to his mind* [11, с. 138]), сочетание в одном контексте градуальной пары антонимов (*mirth – sorrow*) и комплементарной пары антонимов (*death – birth*):

“Alive he filled the court with **mirth**;

His **death** to **sorrow** soon gave **birth**” [11, с. 147].

Антонимы, выражающие противоположную направленность действий, признаков и свойств, выступают проявлением векторной противополож-

ности [7, с. 27]. Подавляющее большинство антонимов этого класса представлено глаголами, обозначающими противоположно направленные действия: “*Dick now tried to rise, but was obliged to lie down again, being too weak to stand...*” [11, с. 170].

Конверсивные антонимы выражают двусторонние отношения, обозначая одно и то же действие или отношение в виде двух взаимно направленных. Примером подобных отношений служат глаголы *get – give*: “... *you had no sooner got the bagpipes than you gave them for the gloves, which were not worth one-quarter of the money*” [11, с. 31].

Выше мы упоминали понятие антонимического триплета как оппозиции глаголов с противопоставленными значениями в сочетании с промежуточным звеном – нейтрализующим членом оппозиции, обеспечивающим условие для вступления в отношения противопоставления. Классическим примером служат глаголы *to live – «жить»* и *to die – «умереть»*, которые образуют антонимический триплет с *to be born – «родиться»*. Нейтрализующий член оппозиции не всегда реализуется в контексте, чаще он подразумевается: “...*and they all lived happy and died happy, and never drank out of a dry cappy*” [11, с. 202]. В приведённом нами примере антонимический триплет может быть назван реверсивно-комplementарным, т. к. два члена триплета представляют собой обратно направленные действия (*to live – to die*), а третий член служит необходимым условием совершения этих действий (*to be born*).

Ключевое для антонимии понятие противоположности связывает это

явление со сложным и многомерным феноменом энантиосемии. Многие лингвисты (Р.А. Будагов, Л.А. Новиков, Т.Г. Пономаренко, О.М. Соколов и др.) рассматривают энантиосемию как разновидность антонимии, предполагающую полную поляризацию значений [3]. Номинативная энантиосемия имеет те же семантические типы, что и лексическая антонимия, следовательно, классификация оппозиций по способу выражения противоположности может быть применена и к энантиосемии. Приведем пример конверсивной энантиосемической оппозиции с выраженной встречной направленностью действий двух участников ситуации: “*If them'm ready to larn, Old Jacob and Tan will larn 'em kind and steady, and if they'm stubborn they can find out fast enough the hard way...*” [12, с. 50].

Совпадение энантиосемических оппозиций с антонимическими оппозициями ещё раз убеждает в универсальности категории противоположности и позволяет вывести инвариантное содержание отношений противопоставления в языке. Однако существует ряд значимых отличий, позволяющих отнести энантиосемию к самостоятельной лексико-семантической категории: в антонимических оппозициях противоположность выражается двумя словами, тогда как при энантиосемии в структуре одной лексической единицы содержатся полярные значения; антонимическое противопоставление осуществляется за счёт ядерных сем, энантиосемическое противопоставление допускается и по периферийным семам; антонимы могут противопоставляться как в контексте, так и вне его, энантиосемия реализуется только в контексте [3].

Существование межчастеречных оппозиций обусловлено тем, что одинаковые фрагменты действительности могут получать различное частеречное выражение. Разные части речи могут быть в равной степени противопоставлены, несмотря на различающиеся категориально-грамматические семы, если им свойственны одноименные категориально-лексические семы. Как утверждает Е.Н. Миллер, «антонимия – это категория плана содержания, поэтому возможны противопоставления любых номинативных единиц с противоположным значением, независимо от плана выражения» [4, с. 78]. Необходимым свойством антонимов является способность выражать противоположные друг другу значения. Антонимия объективно обозначает односущностные явления реального мира. Лексические единицы, называющие понятия, которые подтверждают единую сущность явления, равноправны в смысловом отношении, т. е. слова, принадлежащие к разным грамматическим категориям, имеют одинаковые возможности в представлении того или иного процесса, признака, объекта. Мы считаем, что принадлежащие к разным частям речи слова являются языковыми антонимами, поскольку противоположность их лексических значений обеспечивается противоположностью значений основ вне зависимости от ситуации употребления. Тем не менее, межчастеречные оппозиции следует признать несимметричными вследствие их грамматической неоднородности (неспособности передавать типизированные связи одной определённой формы) и отсутствия идентичности в дистрибуции.

Подчеркнем, что, как семантически

несимметричные образования, характеризующиеся более слабой степенью антонимичности вследствие своей семантической неоднородности, межчастеречные оппозиции должны быть отнесены к периферии поля оппозитивности [9, с. 11].

Противопоставленность фразеологизмов «обеспечивается однородной семантической структурой языковых единиц при наличии в ней противоположных компонентов, за счёт чего создается противопоставление» [8, с. 58]. Семантическая однородность обеспечивает основание для сравнения, а наличие отрицания в смысловой структуре сопоставляемых языковых единиц обуславливает способность фразеологических единиц выражать противоположные понятия. Так, семантическая однородность фразеологизмов *first of all* и *at last* обеспечивает основание для сравнения происходящих событий по времени, элементы *first* и *last* содержат дифференциальный признак, выражающий противопоставленность значений: “*First of all she took some mud and made a sort of round cake with it <...> At last, and at last, the magpie looked up and saw nobody near her but the silly turtle-dove...*” [11, с. 196–197].

Одной из особенностей оппозиций в фольклорных текстах выступает их способность к фразеологизации:

“*The wonder (always told by the old gossips as a secret) was talked of far and near in the course of a few weeks...*” [12, с. 44];

“*But though they searched with lanterns high and low not a sign of any living creature could they find*” [12, с. 47].

Лексические и фразеологические противопоставленные единицы раз-

личаются по значению, стилистической принадлежности и выполняемым функциям, однако обладают единой семантической основой – противоположностью значений и представляют собой одно целое – антонимию номинативных единиц. Так, в оппозиции *poor – rolling in wealth* первый член – лексема, нейтральная по стилю, второй член характеризуется образностью, указывает на огромное богатство и сопоставим с русским аналогом «как сыр в масле кататься» (...when the night came on he put an ass of his own for the precious Neddy of the **poor** youth <...> It was soon known through the town that jack had returned **rolling in wealth** [11, с. 207]). Одна из причин возникновения лексико-фразеологических оппозиций – отсутствие в языке слова, которое реализовало бы подобную противоположность значений, и стремление говорящего к выразительности, оказанию влияния на собеседников [5, с. 125].

К категориальным грамматическим оппозициям относятся: оппозиции первичного времени (настоящее / прошедшее), в которых формы настоящего и прошедшего времени глагола передают противопоставленность временных планов: «*And he said to himself: “Well, well, I never **was** so near my death as I **am** now”*» [11, с. 83]; оппозиции вторичного времени (будущее / небудущее), представленные глагольными формами, противопоставляющими план настоящего времени будущему: «*...you shall have half of all I’ve **got** or **shall get**»* [11, с. 45]; модальные оппозиции, выражающиеся противопоставленными формами на основе антонимичных сем реальности / ирреальности: “*Well, my son,” said the Warlock Merlin, “there*

*are but two things, **simple they may seem, but hard they are to do**”* [11, с. 119].

Реализации оппозитивности на синтаксическом уровне способствует использование инверсии, параллельных конструкций, повторов с антонимическим усилением, полисиндетона, асиндетона, парцелляции [2, с. 6]. Нами был выявлен случай противопоставления подлежащего и дополнения в предложении с инвертированным порядком слов: «*...the king said: “**Never had prince such a subject**”; when Sir Richard heard this, he said: “**Never had subject such a prince**”*» [11, с. 178].

В настоящем исследовании грамматические и лексические оппозиции служат основой создания типологии текстовых оппозиций. В тексте сказки обнаруживаются оппозиции, перешедшие из мифологической в фольклорную картину мира. Противопоставления пространственных образов могут быть вертикальными (земля – небо, земля – нижний мир) и горизонтальными (свой – чужой, реальный – потусторонний) [5, с. 67]. Развитие сюжета происходит в зависимости от того, к какому сказочному пространству принадлежит герой. Если он живёт в далёком королевстве, сказочное повествование определяется его поисками и преодолением трудностей в пути. Если герой принадлежит к реальному миру, то он сам – основное действующее лицо.

Рассмотрим использование вертикальной оппозиции в тексте сказки «Джек и Бобовый стебель», действие которой разворачивается на земле, в саду матери Джека, и на небе, в высоком-превысоком доме великана-людоеда. Бобовый стебель выступает в качестве волшебного медиатора, сим-

волизирующего перемещение в иной мир:

“...*the beans his mother had thrown out <...> into **the garden**, had sprung up into a big beanstalk which went up and up and up till it reached **the sky***” [11, с. 62].

Вертикальная оппозиция может соединять разные миры и стихии. Так, в сказке «Лути и Русалка» героиня-русалка пытается заманить земного жителя в свой подводный мир, пообещав, что со временем он сможет вернуться домой: “...*when you have seen all you would like to see, or get tired of my company and life in the **water** you can return to **land** and bring back as much of our treasures as you like, so come along, my handsome*” [12, с. 42].

Реализация горизонтальной оппозиции представлена, например, при противопоставлении образов дома и страны эльфов в сказке «Рыцарь Роланд». Сестра главного героя Элен исчезает, отправившись на поиски мяча:

“*They **sought her east**, they sought her **west**,*

*They **sought her up and down**,*

And woe were the hearts of those brethren,

*For she **was not to be found***” [11, с. 118].

Братья Элен навещают волшебника Мерлина в его пещере, по его совету отправляются в страну короля эльфов и гибнут один за другим, за исключением младшего брата – рыцаря Роланда, которому удалось одержать победу над королем, расколдовать сестру и воскресить братьев. Образ Чёрной башни в стране эльфов – места пленения Элен – противопоставляется образу дома:

“...*and they all four passed out of the hall, through the long passage, and turned*

their back on the Dark Tower, never to return again. So they reached home, and the good queen their mother” [11, с. 124].

Второй тип оппозиций связан с характеристикой персонажей волшебной сказки. Проведённый анализ позволил нам выделить пять типов оппозиций в зависимости от семантической сферы: индивидуальные, семейные, сословные, пространственные и по сфере действия.

Противопоставления персонажей по целому ряду параметров представлены в сказке «Розовый куст». При этом падчерица противопоставляется мачехе по индивидуальному статусу (добрая / злая; красивая / некрасивая), семейному статусу (кровное родство / некровное родство), пространственной локализации (обстановка любви и взаимопонимания в доме умершей матери и доброго отца / обстановка вражды в новом доме у мачехи) и действиям (злая мачеха убивает падчерицу – разрушение / воскресшая в образе птицы падчерица мстит обидчикам – восстановление).

Отметим, что один и тот же персонаж может выполнять поочерёдно функции помощника или вредителя, что отражает внутренние противоречия и амбивалентную природу некоторых героев. Так, жена великана-людоеда в сказке «Джек и Бобовый стебель» помогает Джеку спастись, убедив супруга в том, что он почуял дух мальчика, съеденного им раньше: “*How forgetful I am, and how careless you are not to know the difference between **live** and **dead** after all these years*” [11, с. 66]. И позднее она помогает мужу найти Джека, указав на место его укрытия.

Контраст в образе героя может выражаться не только за счёт внутренних

противоречий, но и внешне. Героиня сказки «Тростниковая шапочка» получает своё прозвище из-за веточек тростника, под которыми она скрывает красивый наряд. Она моет горшки, чистит кастрюли и выполняет всю грязную работу в доме, где служит. Когда её никто не видит, она переодевается, едет на бал и покоряет сердце сына хозяев, очарованного её красотой и кротостью: *“And she offered with her cap o’rushes, and there she was in her beautiful clothes”* [11, с. 55].

Отметим гиперболизацию противоположных признаков: под некрасивыми веточками тростника скрывается «прекраснейшая» девушка: *“the beautifullest lady you ever see”* [11, с. 52].

Третий тип оппозиций представлен сюжетным контрастом начала и окончания сказки. В сказках происходит восхождение от несчастья к счастью. В начале сказки «Тростниковая шапочка» отец выгоняет героиню из дома, обидевшись на её ответ: *“How much do you love me, my dear?”* – *“Why, I love you as fresh meat loves salt,”* says she. <...>

“You don’t love me at all,” says he, *“and in my house you stay no more”* [11, с. 52].

В конце сказки отец приглашён на свадьбу героини, где все угощения подаются без соли. Он осознаёт свою ошибку и рассказывает: *“And I turned her from my door, for I thought she didn’t love me. And now I see she loved me best of all”* [11, с. 56].

Контраст утвердительных и отрицательных форм *didn’t love / loved* усиливается благодаря контекстуальной оппозиции *not at all / best of all*.

В конце сказки героиня меняет своё обличье и объясняется с отцом. Таким образом, несчастье Тростниковой шапочки в начале сказки сменилось заслуженным счастьем – свадьбой с сыном хозяев и примирением с отцом.

В заключение отметим, что проведённый нами анализ основных типов оппозиций, представленных в текстах народных сказок, позволяет утверждать, что противопоставление лежит в основе композиции произведений этого жанра и является их имманентным свойством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боева Н.Б. Грамматическая антонимия в современном английском языке: автореф. дис. ... док. филол. наук. М., 2001. 32 с.
2. Кулешова А.В. Категории контраста в оппозиции в лингвистическом анализе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (87). С. 4–7.
3. Махмутова Л.Р. Отражение семантической категории противоположности в энантиосемии [Электронный ресурс] // Вестник Чувашского университета. 2009. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-semanticheskoy-kategorii-protivopolozhnosti-v-enantiosemyi> (дата обращения: 20.08.2015).
4. Миллер Е.Н. Межчастеречная антонимия // Филологические науки. 1981. № 1. С. 79–82.
5. Миллер Е.Н. Природа лексической и фразеологической антонимии. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1990. 222 с.
6. Соловьева Н.В. Бинарные оппозиции как основополагающие элементы мифологической и фольклорной картин мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 4. С. 63–69.

7. Соловьёва Н.В. Лексические и фразеологические неологизмы, вступающие в отношения противоположности: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 316 с.
8. Соловьёва Н.В. Оппозитивность как текстообразующая лингвистическая категория (на материале английского языка): монография. М.: ИИУ МГОУ, 2016. 93 с.
9. Царегородцева Н.В. Антонимические корреляции в идеографическом аспекте (на материале английских паремий): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 24 с.
10. Cruse D.A. *Lexical Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 422 p.
11. *English Fairy Tales: Сборник классических английских сказок / collected by J. . М.: Книга по Требованию*, 2015. 288 с.
12. *Folk-tales of the British Isles: Народные сказки Британских островов: сборник / сост. Дж. Риордан. М.: Радуга, 1987. 368 с.*

REFERENCES

1. Boeva N.B. *Grammaticheskaya antonimiya v sovremennom angliiskom yazyke: avtoref. dis. ... dok. filol. nauk* [Grammatical antonyms in modern English: abstract of PhD in Philology]. Moscow, 2001. 32 p.
2. Kuleshova A.V. Category of contrast in opposition in the linguistic analysis. In: *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Voronezh State Pedagogical University]. 2014, no. 2 (87), pp. 4–7.
3. Makhmutova L.R. The reflection of the semantic category of opposites in enantiosemy [E-source]. In: *Vestnik Chuvashskogo universiteta. № 3* [Bulletin of the Chuvash University. no. 3]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-semanticheskoy-kategorii-protivopozhnosti-v-enantiosemy> (request date 20.08.2015).
4. Miller E.N. Antonymy in different parts of speech. In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences]. 1981, no. 1, pp. 79–82.
5. Miller E.N. *Priroda leksicheskoi i frazeologicheskoi antonimii* [The nature of lexical and phraseological antonymy]. Saratov, Saratov University Publ., 1990. 222 p.
6. Solov'eva N.V. Binary opposition as fundamental elements of mythological and folk paintings in the world. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2014, no. 4, pp. 63–69.
7. Solov'eva N.V. *Leksicheskie i frazeologicheskie neologizmy, vstupayushchie v otnosheniya protivopozhnosti: dis. ... kand. filol. nauk* [Lexical and phraseological neologisms entering into a relationship of opposites: PhD thesis in Philology]. Moscow, 2006. 316 p.
8. Solov'eva N.V. *Oppozitivnost' kak tekstoobrazuyushchaya lingvisticheskaya kategoriya (na materiale angliiskogo yazyka): monografiya* [Oppositionist as a linguistic text-forming category (on the material of English language): the monograph]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2016. 93 p.
9. Tsaregorodtseva N.V. *Antonimicheskie korrelyatsii v ideograficheskom aspekte (na materiale angliiskikh paremii): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Antonymy correlation in ideographic aspect (on the material of English Proverbs): abstract of PhD thesis in Philology]. Ekaterinburg, 2013. 24 p.
10. Cruse D.A. *Lexical Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 422 p.
11. *English Fairy Tales: a Collection of classic English fairy tales. Comp. Joseph Jacobs. Moscow, Kniga po Trebovaniyu Publ., 2015. 288 p.*
12. *Folk tales of the British Isles: a collection / Comp. John Riordan. Moscow, Raduga Publ., 1987. 368 p.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловьева Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Московского государственного областного университета; e-mail: natavs@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nataliya Solovyeva – candidate of Philology, associate Professor, associate professor at the Department of English Philology, Moscow Region State University; e-mail: natavs@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Соловьева Н.В. Языковая и речевая оппозиционность в тексте народной сказки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 2. С. 12–22.

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-2-12-22

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

N. Solovyeva. Language and speech oppositeness in folk tales. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: Linguistics. 2017, no. 2, pp. 12–22.

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-2-12-22